

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81'374:28

DOI: 10.17223/22274200/18/1

М.В. Боброва, Е.В. Колосько

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ДИАЛЕКТНО-ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА ЧЁ)

Поднимаются проблемы описания диалектно-просторечной лексики в диалектном словаре, проиллюстрированные на примере лексемы чё. В их числе отражены вопросы, обусловленные употреблением таких слов в диалектной речи, – в содержательном, формальном и функционально-коммуникативном аспектах, в связи с общими вопросами лексикографической теории. Сделаны выводы о том, что обозначенные проблемы определяют подходы к лексикографическому описанию диалектно-просторечной лексики в диалектных словарях.

Ключевые слова: диалектология, диалектная лексикография, лексикографическое описание, дискурс, диалектно-просторечная лексика, чё.

Каждый лексикограф рассчитывает на то, что с приближением к концу проекта вопросы описания слов в данном словаре будут иссякать, и чем дальше, тем проще будет работать с материалами. Но на любом этапе приходится сталкиваться со словами, которые требуют индивидуального подхода и поиска очередных непростых решений. Особенно остро различные вопросы встают при обработке лексики, широкоупотребительной в живой разговорной речи: чем выше частотность использования слова, тем больше у него вариантов и вариаций применения, нуждающихся в квалификации и интерпретации как явления языкового или речевого, узусального или окказионального, закономерного или случайного. В силу спонтанности и эмоциональной окрашенности в обиходной речи варьируются форма слова, ритмико-мелодический рисунок, степень экспрессивности и способы выражения эмоций в высказывании, а вместе с этим и смысловое наполнение текста и отдельных его элементов.

Исследователи неоднократно обращались к проблеме функционально-стилистической атрибуции диалектной лексики, подчеркивали

сосуществование в говорах слов, генетически связанных с разными формами бытования языка. Мы обращаемся к одной из групп диалектных слов, в определении которых опираемся на термин О.И. Блиновой «диалектно-просторечная лексика» (далее ДПС). Под этим термином понимается лексика, используемая в системе диалекта и в просторечии, но не употребляемая в нормированном литературном языке (см. [1. С. 102] и последующие работы). Наш опыт показывает, что отсутствие единых подходов к подобным языковым фактам приводит к несогласованности, непоследовательности и даже противоречивости лексикографических продуктов.

В настоящей статье в качестве примера диалектно-просторечных слов мы привлекли одну из самых сложных в аспекте словарного описания лексику – *чѐ* (из *что*), которая стала объектом нашей лексикографической работы над «Словарем говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимским словарем)» (М.В. Боброва; см. [АС. Вып. 6]) и над «Словарем русских народных говоров» (далее СРНГ) (Е.В. Колосько; составление статьи осуществляется в настоящее время). Ограниченные рамками журнальной статьи, мы задались целью обозначить на его примере наиболее важные и сложные проблемы описания диалектно-просторечной лексики в диалектном словаре. В задачи входило отразить вопросы, обусловленные употреблением таких слов (и слова *чѐ*) в диалектной речи, – в содержательном, формальном и функционально-коммуникативном аспектах, в связи с общими вопросами лексикографической теории.

Материалом для исследования послужила картотека СРНГ, данные региональных словарей (см. Список сокращений).

Проблемы, с которыми нам пришлось столкнуться при подаче диалектно-просторечных слов в диалектном словаре, объединены в две основные группы: 1) связанные с общими методологическими установками и 2) связанные с принципами описания таких лексем в словарной статье. В рамках указанных групп выделены более частные вопросы.

1. Обоснование включения ДПС в диалектный словарь.

1. Вопрос о корректности включения ДПС в дифференциальный диалектный словарь в связи с их функционально-стилевой принадлежностью.

Уже на стадии отбора материала для дифференцированного диалектного словаря встает очень острый вопрос о правомерности вклю-

чения в него слов, имеющих «промежуточный» функционально-стилевой статус. Вопрос поставлен давно, но до сих пор он не утратил значимости.

Л.И. Баранникова, О.И. Блинова, Т.С. Коготкова и другие исследователи регулярно отмечали, в частности, сложность, условность, а иногда невозможность отграничения диалектной лексики от просторечной; ср. мнение редактора СРНГ С.А. Мызникова: «Проведение принципа дифференциального отбора материала оказывается довольно сложным делом, так как не всегда имеются достаточные основания для “разведения” фактов общенародных и территориально ограниченных, диалектных» [2. С. 18]. А вместе с тем, по справедливому замечанию Л.И. Балахоновой, «вопрос о границах между просторечной и диалектной лексикой приобретает особую актуальность в лексикографической практике – при отборе словарных единиц в областные словари» [3. С. 104]. Нельзя не учитывать и позицию первого редактора СРНГ Ф.П. Филина: «Во всех случаях, когда слово стоит на грани диалектной и общенародной лексики или когда невозможно определить, является ли слово диалектным или оно распространено повсеместно, вопрос решается в пользу помещения слова в Словаре» [4. Т. 1. С. 6]. И сейчас в СРНГ включаются слова (в том числе диалектная фразеология, терминология, архаизмы, элементы арго), «если они входят в диалектную лексическую систему, имеют в своем распространении локальные ограничения и не известны в литературном языке» [2. С. 18].

О.И. Блиновой был введен термин «диалектно-просторечная лексика», снимающий многие противоречия и несоответствия, освобождающий от необходимости проводить специальные изыскания применительно к каждой конкретной лексеме и узаконивающий статус слов, которые находятся в области пересечения (в «зоне переходности») разных форм бытования национального языка. В настоящее время понятие активно используется диалектологами, но диалектные лексикографы, к большому сожалению, нередко исключают из сферы внимания подобные единицы, несмотря на то, что их материалы, в которых зафиксированы диалектно-просторечные слова, вполне презентативны для разработки этих единиц.

Исконно диалектное слово *чѐ* в последние десятилетия активно вторгается в речь носителей просторечия и даже разговорной литературной речи. Следствием этого, прежде всего, стала утрата данным

словом статуса собственно диалектного, а далее возник принципиальный вопрос о корректности включения лексемы *чѐ* в словник современных диалектных словарей, начиная со «Словаря русских народных говоров». В итоге это привело к парадоксальной ситуации, когда один из самых выразительных элементов живой разговорной речи исчез из современного тезауруса: в словари литературного языка это слово попасть не может, а из словарей диалектных оно нередко исключается из-за несоответствия выбранному авторами принципу отбора собственно диалектной (и никакой иной) лексики.

На наш взгляд, такое положение неправомерно в силу того, что ДПС (и слово *чѐ*) являются органичной частью *системы* территориальных диалектов. И только такой подход – с учетом органичной связи различных идиомов языка – способен обеспечить превращение словаря из «сборника лексико-семантических этюдов» в «сверхтекст» (о последнем понятии см. [5]). Вероятно, в этом направлении лежит будущее отечественной диалектологии и диалектной лексикографии, открывшееся участникам проекта «Лексический атлас русских народных говоров»: «Отказ от прежнего атомистического (в том числе дифференциального) подхода к изучению диалектной лексики, ориентация на системность делает реальной возможность по-новому взглянуть на ономаσιологическое и словообразовательное устройство отдельных участков лексической системы языка и проникнуть в тайны языковой картины мира русского народа» [2. С. 20].

Из этого следует вывод о том, что диалектно-просторечные слова должны подаваться в диалектных словарях.

2. Вопрос о дифференциации речевых вариантов ДПС.

Вопрос о правомерности включения диалектно-просторечных слов в дифференциальный диалектный словарь непосредственно связан с проблемой вариативности в потоке речи.

В отношении лексемы *чѐ* очевидно, что в ряде случаев при обработке материалов в действительности мы имеем дело не с лексикализованным, уже самостоятельным вариантом *чѐ*, а со стяженной формой лексемы *что* в живой, особенно быстрой речи. В первую очередь это справедливо в отношении данных по тем регионам (например, пермскому), в которых речь отличается особенно высоким темпом. В русской разговорной речи и, соответственно, в диалектах наблюдается «проглатывание» звуков, флексий, примеры диерезы согласных [j], [v] в интервокальной позиции, стяжение в глагольных окончаниях

и подобные явления (ср. человек [ч'ек], говорит [гр'ит], большое [бол'шóз] и [бол'шó], покупаешь [покупáэш] и [покупáш], знает [знáэт] и [знат], др.), в том числе формы *что* со своего рода дифтонгическими сочетаниями гласных и чистым стяжением звуков (типа [ч'ио́] и [ч'о́] из *чего*). На стадии отбора лексики для словаря подобные фиксации нуждаются в особом рассмотрении с учетом разнообразных факторов.

II. *Описание ДПС в словарной статье дифференциального диалектного словаря.*

1. *Вопрос о написании ДПС.*

а) *Вопрос о написании заголовочного слова.*

Непосредственно при лексикографической работе мы сталкиваемся с проблемами в первой же структурной части словарной статьи – при написании заголовочного слова. В силу нестандартности употребления, которая проистекает из природы территориально и функционально ограниченных слов, возникает вопрос о форме их подачи в словарях. Ср., например, проблему отражения жаргонного слова *кип(е/и)ш* в словарях русского жаргона в период вхождения данного слова в активный лексикон молодежи и усвоения его языковой системой. Так, в словаре Т.Г. Никитиной, в котором отражен молодежный жаргон 1970–1990-х гг., обнаруживаем форму *кипиши* [6. С. 182], в словаре современного жаргона томских студентов, составленном Л.А. Захаровой и А.В. Шуваевой, – *кипеш* [7. С. 67]; В.С. Елистратовым поданы следующие многочисленные варианты слова: *хипеж, хипес, хипеш, хипиж, хипис, хипиш, кипеж, хибеж, хибес, хибеш, хибиж, хибис, хибииш* [8. С. 514].

Вероятно, эта же причина привела к неоднообразному представлению в словарях и лексемы *чё*. Изначально она писалась с буквой *о* (см. [Опыт. С. 259; Даль. Т. 4. С. 557; Даль, 4-е изд. Т. 4. С. 1355 стб.; Подвысоцкий. С. 189]). Эта традиция, поддерживающая фонетический принцип русской орфографии, была продолжена в словарях XX в., например в [СРГНО. С. 588; СРОГ. С. 290; Элиасов. С. 454; ЯОС. Т. 10. С. 61]; ср. также форму *чось* в [СРГО. Т. 2. С. 278]. В то же время, начиная со словаря Ф.И. Поликарпова [Поликарпов], материалы для которого собирались в 1893 г., многие лексикографы отдают предпочтение фонематическому / морфематическому принципу и написанию с буквой *ё* (см., в частности, [АС. Вып. 6. С. 154–162; ВС. Т. 7. С. 253–258; НОС 2010. С. 1270; Прокошева. С. 408–409; ПССГ.

Т. 4. С. 201; СГССЗ. С. 178; СДГВО. Т. 6. С. 653; СО Доп. Ч. 2. С. 190–191; СПГ. Т. 2. С. 523; СРГА. Т. 4. С. 216; СРГНП. Т. 2. С. 416; СРГС. Т. 5. С. 265; СРГЮП. Вып. 3. С. 341–342; СРДГ. Т. 2. С. 188; СРСГСЧБО. Т. 3. С. 222; СРСГТЯ. Т. 4. С. 129; др.]).

Отражение *диалектно-просторечных* слов вызывает дополнительные вопросы в связи с необходимостью манифестировать в словаре свойственные их природе *диалектные* различия. В случае со словом *чѐ* это тот факт, что на месте фонемы <ч'> в говорах реализуются разнообразные фонемы или звуки, зависящие от типа говора: [ч'], [ч], [ц], [ц'], [ц''], [ш], [ш'], [т'] (см. [9. С. 88–94; 10. С. 39–40; 11. С. 62–65]). И естественным будет представить на соответствующем алфавитном месте не только ведущий вариант *чѐ*, но и фонематические варианты *чѐ / цѐ / чо / шо / щѐ* для говоров цокающих / с отвердевшими аффрикатами / с аффрикатами, утратившими затвор.

Но и этим вопросы о написании ДПС в словарях не ограничиваются, поскольку в живой разговорной речи (в первую очередь народной, диалектной) крайне употребительны устойчивые *сочетания* слов, самостоятельных слов с разного рода частицами. Решаемой с большим трудом оказывается, в частности, проблема выбора единообразного написания для сочетаний с *чѐ* других лексем: *ино, йно, но, ли, ле*, со словообразующими частицами: *-то, -ко, -йто* (из *ето*), *-нидь / -нить, -нибудь / -нинабудь*, их комбинациями: *-то-сь, -ко-сь, -ко-ся, -т-ко, -то-ся*, др. Решение этой проблемы осложнено пересечением разных задач: определения степени лексикализации таких сочетаний, степени их устойчивости, грамматического и лексико-грамматического статуса.

б) *Вопрос о написании ДПС в иллюстративных материалах.* Известны различные подходы составителей словарей к отображению иллюстративных материалов: для этого может использоваться современная орфография, так называемая упрощенная орфография (с отражением только наиболее ярких фонетических особенностей говоров в вариантах типа *яшшыйк, испугация, Валькя* и под.) или же фонетическая транскрипция (с отражением мягкости, ударения и других фонетических особенностей при помощи диакритических знаков). Сложность составляет необходимость выбрать один из этих подходов (и тогда, например, во всех случаях передавать рассматриваемую лексику в написании *чѐ*) либо отказаться от принципа единообразия и сохранять цитируемые материалы в исходном виде.

2. *Вопрос о лексико-грамматической отнесенности ДПС.*

При указании в статье грамматических помет также возникают проблемы.

Самая главная из них связана с тем, что лексикографами может по-разному решаться вопрос о частеречной принадлежности слов живой разговорной речи, которая в силу спонтанности коммуницирования и эмоциональности характеризуется наличием значительного количества отклонений от языковой нормы.

Применительно к слову *чѐ* можно предложить сравнить факты оценки лексико-грамматической отнесенности общерусского слова *что* в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 т. [БАС. Т. 17. Стб. 1114–1133] и диалектно-просторечного *чѐ* в некоторых диалектных словарях. Так, в БАС выделено три омонима *что*: местоимение, союз, частица. В диалектном словаре Среднего Прииртышья *чѐ* представлено только как местоимение [СРСГСЛ. Т. 3. С. 309]; в Вершининском словаре обнаруживается четыре омонима *чѐ*: местоимение, наречие, союз, частица [ВС. Т. 7. С. 253–258]; в полном Акчимском словаре выделены в самостоятельные словарные статьи четыре омонима *чѐ*: местоимение, союз, частица, вводное слово [АС. Вып. 6. С. 154–162].

Такое положение является следствием общего состояния современной морфологии, где, в частности, до сих пор теоретически и терминологически не определено положение слов типа *зачем (?)*, *почему (?)*, *сколько (?)*, *несколько* и под., имеющих признаки местоимения и наречия, до сих пор не выработано четких и непротиворечивых критериев квалификации и классификации частиц. Поэтому в разных источниках можно встретить трактовку слов первой группы как «местоимений» / «наречий» / «наречных местоимений» / «местоименных наречий» – в зависимости от того, каким традициям следует автор: «структурно-семантически ориентированных» «Академической грамматики – 50» [12], «Академической грамматики – 70» [13] или же «семантико-ориентированной» «Академической грамматики 80» [14]. В настоящее время может оспариваться положение *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *-ка* как словообразовательных (словообразующих) частиц или же как морфем (словообразовательных суффиксов).

Ситуация с квалификацией *чѐ*, а также его сочетаний с частицами усугубляется тем, что «многие частицы по своему значению и по своим синтаксическим функциям не противостоят резко словам других классов – союзам, вводным словам, междометиям, наречиям, а сов-

мешают в себе качества частицы и слова одного из этих классов. Соответственно внутри класса частиц выделяются частицы, совмещающие в себе признаки частиц с признаками названных слов: частицы-союзы, частицы-наречия, частицы-междометия и частицы-вводные слова» [14. С. 729]. Ср. в высказывании: *Не пойду я к имя! – А чё?* (Киров.), в котором *чё* – это вопросительное местоимение в роли наречия причины, но с наложением функции эмоциональной и побудительной частицы, поскольку в ответе присутствует оттенок недопонимания, удивления, недоумения, а также побуждения к ответу, к истолкованию причин такого заявления.

Проблемы, с которыми сталкиваются современные диалектные лексикографы, отражают состояние современного языкознания – состояние поиска новой лингвистической концепции, которая отражала бы реальные языковые состояния. Поиски эти проходят в условиях, когда была осознана «неабсолютность» объяснительной силы структурно-семантического подхода, а смена научной парадигмы на антропоцентрическую потребовала нового взгляда на отношения в триаде «язык – речь – речевая деятельность». Фактически суть этих проблем сводится к необходимости применить к продуктам живой речевой деятельности «схоластические» «чисто языковые» построения.

Многим современным исследователям выход видится в обращении к теории дискурса, без которого «остается непреодоленным разрыв между описательной грамматикой и речевой деятельностью», «который выводит за пределы идеальной системы, отражает поиск путей к постижению языка в его речевой деятельности, в практической реальности, органическая связь дискурсивного анализа с возможностями корпусной лингвистики, с когнитивным и функциональным направлениями связывается с надеждой на то, что анализ дискурса поможет значительно расширить *изучение реального языкового существования*, которое сегодня уже находит отражение во множестве конкретных исследований» [15. С. 7, 10]. Этот подход, как никакой другой, отвечает задачам деятельности лексикографа, поскольку «дискурсивный анализ сосредоточен *на содержательной стороне речи в аспекте решения социальных задач с поиском средств ее выражения*» [15. С. 8].

3. Вопрос о семантизации ДПС.

Будучи лексикографами, мы выступаем безусловными сторонниками идеи «дискурсивного функционирования слова», что «проявляется в трансформации функциональной позиции в функциональные

семы (фиксируемые лексикографическими пометами стилистического содержания) и далее – в семы сигнификативного типа (входящие в словарную дефиницию)» [16. С. 116]. Иными словами, контекст (в широком понимании термина) первичен по отношению к реализуемым в нем смыслам, которые далее находят отражение в традиционном словаре, где сведения о языковых состояниях передаются в информативно-понятийном ключе.

При этом в любом речевом произведении следует различать два типа процессов – речемыслительные и языкотворческие (см. об этом работу Л.Н. Засориной [17]), что реализуется в «синхронно-функциональном плане типовой первичности контекста и дискурса» и «генетико-диахронном плане временной первичности дискурса по отношению к семантике» [16. С. 115–116]. Каждое конкретное речевое высказывание, с одной стороны, является продуктом опыта речевых практик в данном коллективе, транслирующим семантемы (существующие «в языковой памяти определенные коммуникативно значимые дискретные семантические единицы» [16. С. 114–115]) от микро- до макроуровня, т.е. функционирующие в языковом коллективе на уровне микрогрупп «семья», «соседи», «друзья», а в равной степени – в макрогруппах «представители одной национальности», «носители одной культуры», «граждане одного государства». С другой стороны, эти средства, уже закрепленные в языке, используются в конкретном речевом произведении для выражения «сиюминутных» интенций говорящего, что часто служит толчком для возникновения новых, окказиональных (по крайней мере, до определенного момента) смыслов, способных впоследствии переродиться из индивидуально значимых в коллективно значимые семантемы и закрепиться в языковых состояниях.

а) Вопрос о семантизации ДПС в конкретном контексте.

Одна из сложнейших задач лексикографа – «отделить зерна от плевел», а в данном случае суметь «развести» в контексте факты языковые и факты индивидуальные, случайные. Отсюда большая роль качественной обработки имеющихся в распоряжении составителя словаря иллюстраций из живой речи. Однако приходится признать, что в большинстве своем цитаты, составляющие картотеки словарей, недостаточны для четкой дифференциации конкретных значений, и на этом основании мы выделяем как самостоятельный вопрос об определении семантики (семантизации) слова в конкретном словоупотреблении.

Положение усугубляется недостаточной способностью транскрибированных текстов передавать оттенки ритмико-мелодического рисунка (интонации) высказывания. Ситуация осложняется при различении смысловых вариантов, связанных генетически. Так, например, контекст: *Чё от тепла-то да от добра-то едут в Пермь?* (Красновишер. Перм.) – позволяет выделить в вопросительном местоимении *чё* целевой ЛСВ ‘зачем?»; контекст: *Чё это магазин-от не открывают?* (Красновишер. Перм.) – причинный ЛСВ ‘почему?’. Но как трактовать контексты типа: *Чё вернулся?* Здесь тесно переплетены оба ЛСВ, что уже с трудом поддается лексикографическому описанию. Однако подобные иллюстративные материалы однозначно интересны тем, что позволяют прослеживать пути развития семантики отдельных слов и требуют представления в словаре.

Неизбежным следствием такого положения вещей оказывается то, что при формулировке дефиниции нередко приходится опираться в большей степени не на иллюстративный материал, а на комментарии собирателя.

б) Вопрос о семантизации полисемичных ДПС.

Одним из итогов длительного дискурсивного функционирования слова является «обрастание» им со временем различными семантемами и семами, что приводит к закреплению ряда из них, а значит, к полисемантизации лексем. Особую остроту данный вопрос приобретает в компендиумах типа «Словаря русских народных говоров», где обобщаются данные по разным, частично не пересекающимся языковым группам. Различение лексико-семантических вариантов (далее также ЛСВ) конкретных ДСП представляется особенно значимым, если мы ставим собой задачу не просто отразить в словаре все имеющиеся значения (составить «сборник ЛСВ»), а представить их в системе, отразить векторность в становлении семантики слов в живой народной речи.

Вряд ли кто-то оспорит положение о том, что в силу особенностей употребления (в условиях неподготовленности речи, эмоциональности, усиленной роли контекста и ситуации говорения и др.) диалектно-просторечные слова и словосочетания отличаются повышенной семантической вариативностью в речи, а вслед за этим выраженной полисемичностью в языке. Ярким подтверждением этого является слово *чё*, широко используемое в различных лексических вариантах и смыслах.

Показательно вновь сравнение данных разных словарей. Так, для слова *что* в БАС выделено: 19 лексико-семантических вариантов местоимения, 11 – союза, 10 – частицы (итого 40 ЛСВ). В Вершининском словаре выделены 12 ЛСВ местоимения, два – наречия, три – союза, четыре – частицы (итого 21 ЛСВ). В СРСГСП определены семь ЛСВ местоимения. Наиболее подробно разработана структура словарной статьи *чѣ* в полном Акчимском словаре, где выделены 19 ЛСВ местоимения, восемь – союза, шесть – частицы, два – вводного слова (итого 35 ЛСВ). По данным картотеки СРНГ поддается описанию не менее 37 ЛСВ слова *чѣ*.

В таких условиях для диалектного лексикографа очень важна задача представить имеющиеся сведения «сбалансированно»: с одной стороны, суметь отразить всё семантическое и сочетательное богатство лексемы, с другой – удержаться от чрезмерного «дробления» значений.

4. *Вопрос об определении статуса и об описании сочетаний ДПС с другими словами.*

Один из сложных вопросов описания диалектно-просторечных слов – выявление и отражение в дифференциальном диалектном словаре регулярно воспроизводимых сочетаний с ними как в той или иной степени устойчивых. Эту проблему ярко иллюстрируют, в частности, сочетания *чѣ* с частицами. Выше уже оговаривались сложности выбора верного написания таких сочетаний. Возникновению этих сложностей способствует то, что составители словарей по-разному решают проблему статуса подобных сочетаний. В силу недоказуемости или нерешенности вопроса о том, в какой степени завершен процесс лексикализации комбинаций слов типа *чѣ(ино)*, *чѣ(ѣно)*, *чѣ(ко)*, *чѣ(т)(ко)*, *чѣ(ко)(сь)*, *чѣ(то)(сь)*, *чѣ(ко)(ся)*, *чѣ(то)(ся)* и под., в региональных источниках они подаются то в слитном или дефисном написании в качестве отдельных лексем, то в раздельном написании в качестве сочетаний. Задача составителя сводного «Словаря русских народных говоров» объединить эти данные, четко определяя инварианты.

5. *Вопрос об отражении в словаре функционально-коммуникативного статуса ДПС.*

С нашей точки зрения, логично говорить не только о «дискурсивном функционировании», но и о «дискурсивной функциональности» слова, т.е. о способности слова реализовывать некие функции в условиях определенного дискурса. Ср. размышления К.А. Роговой о под-

ходах к построению современной теории грамматики: «...дис-курсивный анализ позволяет выявлять, помимо синтаксических и семантических, дискурсивные функции грамматических категорий» [15. С. 10].

Для диалектно-просторечных слов дискурсивная функциональность находит выражение в повышенной экспрессивности и эмоциональности, в целом свойственной живой разговорной речи. Это справедливо и для слова *чѐ* – в рамках обыденного (повседневного, бытового) дискурса. Для сравнения: в художественном дискурсе функция данной лексемы будет, скорее всего, иной: на первое место выйдет маркирование речи персонажа, вероятно не относящегося к высокообразованным слоям общества.

Можно предположить, что именно двойственное положение лексемы *чѐ*, еще не утратившей оттенка необычности, некоторой «неправильности», способствует особой ее выразительности. Реализация семантики слова *чѐ* при этом лежит в русле общей тенденции: «...книжное употребление слова ведет к формированию у него функциональной семы возвышенности и далее – мелиоративности, просторечное употребление, напротив, стимулирует формирование негативной семы» [16. С. 116]. Действительно, *чѐ* редко используется для выражения позитивных эмоций (например, одобрения). В большинстве случаев оно привносит в контекст оттенки недоверия, сомнения, неодобрения, укора, возмущения, пренебрежения, уничижительности и т.д., ср.: *А продавцам чѐ? Лишь бы обмухлить нашего брата* (Иркут.); *Чѐ ходишь за мной, волочишься хвостом?* (Низ. Печора); *Дак это чѐ она сидит?! Ребѐнок плачет, а она всё равно сидит тут!* (Красновишер. Перм.); *Чѐ ты распустился, панафида чѐртова?* (Судж. Курск.); под. (соответствующая интонации и стилистическая окраска нередко поддерживается негативно окрашенной, даже грубой эмоционально-экспрессивной лексикой).

На наш взгляд, эта особенность диалектно-просторечных слов требует особого подхода к их описанию в словаре. Настоятельно требуется отработать особый инструментарий (стилистические пометы, шаблонные формулировки, комментарии составителя и под.), который позволил бы диалектным лексикографам отобразить и эту сторону жизни ДПС в живой речи.

Таким образом, обозначенные проблемы определяют подходы к лексикографическому описанию диалектно-просторечной лексики в диалектных словарях. Перед составителями региональных словарей, в

том числе перед составителями «Словаря русских народных говоров», стоит важная задача по квалифицированному отбору слов и описанию народной речи в современном ее состоянии, с учетом активных процессов в живой разговорной речи и в языке, с опорой на современную теорию дискурса. Проблемы, которые встают перед лексикографами, требуют особой подготовки фактически во всех сферах современной лингвистической и лексикографической теории. Важно помнить и о высокой ответственности в принятии того или иного решения, которое может привести как к преодолению возникших в процессе написания словарной статьи проблем, так и к возникновению новых.

Представленная систематизация дает представление о том, с какими вопросами сталкиваются в настоящее время составители региональных словарей и СРНГ. Перспективу исследования представляет специальная работа, в которой авторами данной публикации предлагаются конкретные пути решения поставленных проблем лексикографирования применительно к диалектно-просторечному слову *чѐ*.

Список сокращений

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / под ред. Ф.Л. Скитовой. Вып. 1–6. Пермь, 1984–2011; *БАС* – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев, С.Г. Бархударов, В.В. Виноградов [и др.]. М. ; Л., 1950–1965; *ВС* – Вершининский словарь : в 7 т. / гл. ред. О.И. Блинова. Томск, 1998–2002; *Даль* – Даль В.И. Словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1863–1866; *Даль, 4-е изд.* – Даль В.И. Словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М., 1903–1909; *ДПС* – диалектно-просторечное слово; *ЛСВ* – лексико-семантический вариант; *Иркут.* – Иркутская область; *Киров.* – Кировская область; *Красновишер.* – Красновишерский район Пермской области (ныне Пермский край); *Низ. Печора* – Низовая Печора; *НОС 2010* – Новгородский областной словарь / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников; авт.-сост. А.В. Клевцова и др.; ред. А.В. Клевцова, Л.Я. Петрова. СПб., 2010; *Опыт* – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852; *Подвысоцкий* – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885; *Поликарпов* – Поликарпов Ф.И. Нижнедевицкий словарь. Воронеж, 1913; *Прокошева* – Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002; *ПССГ* – Полный словарь сибирского говора : в 4 т. / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1995; *СГССЗ* – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999; *СДГВО* – Словарь донских говоров Волгоградской области : в 6 т. / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград : Издатель, 2006–2009;

СО Доп. – Среднеобский словарь. Дополнение : в 2 ч. / ред. В.В. Палагина. Томск, 1986; *СПГ* – Словарь пермских говоров : в 2 т. / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002; *СПГА* – Словарь русских говоров Алтая : в 6 т. Барнаул, 1993–1998; *СПГНО* – Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1979; *СПГНП* – Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб., 2005; *СПГО* – Словарь русских говоров Одесщины : в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Карпенко, С. Уэмура. Одесса, 2000–2001; *СПГС* – Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1999–2006; *СПГЮП* – Словарь русских говоров Южного Прикамья / науч. ред. И.А. Подюков. Пермь, 2010–2012. Вып. 1–3; *СРДГ* – Словарь русских донских говоров : в 2 т. / отв. ред. В.С. Овчинникова. Ростов, 1975–1976; *СРНГ* – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2018. Вып. 1–51; *СРОГ* – Жидко В.А., Мулкиджанян М.И., Хидешели А.А. Краткий словарь русского островного говора (д. Ульяновка Сигнахского района ГССР). Тбилиси, 1977; *СРСГСП* – Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья : в 3 т. / под ред. Г.А. Садретдиновой. Томск, 1992–1993; *СРСГСЧБО* – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби : в 3 т. / под ред. В.В. Палагиной. Томск, 1964–1967; *СРСГТЯ* – Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии : в 4 т. Якутск, 1997–2007; *Судж. Курск.* – Суджанский уезд Курской губернии; *Элиасов* – Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья / отв. ред. Ф.П. Филин. М. : Наука, 1980; *ЯОС* – Ярославский областной словарь : в 10 т. / под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

Литература

1. *Блинова О.И.* Лексика диалекта (с точки зрения ее соотношения с формами национального языка) // Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии / под ред. О.И. Блиновой. Барнаул, 1972. С. 102–109.
2. *Мызников С.А.* Диалектная академическая лексикография и лингвогеография // Филологическая регионалистика. 2011. № 2 (6). С. 15–22.
3. *Балахонова Л.И.* К вопросу о статусе просторечной и диалектной лексики // Вопросы языкознания. 1982. № 3. С. 104–110.
4. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2018. Вып. 1–51.
5. *Белякова С.М.* Диалектный словарь как вид сверттекста // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 5–16.
6. *Никитина Т. Г.* Так говорит молодежь: Словарь сленга. По материалам 70–90-х гг. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 587 с.
7. *Захарова Л.А., Шувалева А.В.* Словарь молодежного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета). Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. 126 с.
8. *Елистратов В.С.* Словарь русского арго (материалы 1980–1990-х гг.). М. : Русские словари, 2000. 694 с.

9. *Пожарицкая С.К.* Русская диалектология. М. : Академический проект: Парадигма, 2005. 256 с.
10. *Русская диалектология* / под ред. В.В. Колесова. М. : Высш. шк., 1998. 207 с.
11. *Русская диалектология* / под ред. Л.Л. Касаткина. М. : Академия, 2005. 224 с.
12. *Грамматика русского языка* : в 2 т. / ред. В.В. Виноградов, Е.С. Истрина, С.Г. Бархударов. М., 1953.
13. *Грамматика современного русского литературного языка* / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1970. 768 с.
14. *Русская грамматика* : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.
15. *Рогова К.А.* На пути к новой Академической грамматике // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 5–12.
16. *Голев Н.Д.* Дискурсивный словарь диалектной лексики Новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 113–137.
17. *Засорина Л.Н.* О некоторых эмпирических принципах металингвистики // Вопросы металингвистики : сб. ЛГУ, кафедра структурной и прикладной лингвистики. Л. : Изд-во ЛГУ, 1973. С. 5–26.

Problems of Lexicographic Description of Dialect and Common Parlance Vocabulary (On the Example of the Word *Chyo*)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 18, pp. 5–21.

DOI: 10.17223/22274200/18/1

Maria V. Bobrova, Elena V. Kolos'ko, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: bomaripgu@yandex.ru / evkolosko@mail.ru

Keywords: dialectology, dialect lexicography, lexicographic description, discourse, dialect and common parlance vocabulary, “chyо”.

The problems of describing dialect and common parlance lexemes in a dialect dictionary are raised in the article. These problems are illustrated by the example of the word *chyо*. The aim of the study was to reflect the issues caused by the use of such words (and the word *chyо* too) in dialect speech in content, formal and functional-communicative aspects, in connection with general issues of lexicographic theory. The material for the study was the card file for the *Dictionary of Russian Folk Dialects*, data from regional dictionaries. The identified problems form two main groups: 1) related to general methodological guidelines (justification for including the dialect and common parlance words in a dialect dictionary) and 2) related to the principles of describing such lexemes in a dictionary entry. Within the first group, particular questions are highlighted: 1) about the correctness of including dialect and common parlance words in a differential dialect dictionary due to their functional and stylistic attribution, 2) about the differentiation of speech variants of dialect and common parlance words. Within the second group, particular questions are highlighted: 1) on the spelling of dialect and common parlance words: a) on the spelling of header words, b) on the spelling of dia-

lect and common parlance words in illustrative material, 2) on the lexico-grammatical attribution of dialect and common parlance words, 3) on the definition of semantics of dialect and common parlance words: a) on the definition of semantics of dialect and common parlance words in a specific context, b) on the definition of semantics of poly-semantic dialect and common parlance words, 4) on the determination of the status and description of the combinations of dialect and common parlance words with other words, 5) on the reflection of the functional and communicative status of dialect and common parlance words in a dictionary. It is concluded that the raised problems determine approaches to the lexicographic description of dialect and common parlance vocabulary in dialect dictionaries. Dialect lexicographers should work taking into account active processes in live spoken speech and language, and rely on the modern theory of discourse. The problems lexicographers face require special training in virtually all areas of modern linguistic and lexicographic theory. Lexicographers have a high responsibility in making a decision that can lead to the overcoming of problems that have arisen when writing a dictionary entry, as well as to the emergence of new ones.

References

1. Blinova, O.I. (1972) *Leksika dialekta (s tochki zreniya ee sootnosheniya s formami natsional'nogo yazyka)* [Vocabulary of the dialect (in terms of its relation to the forms of the national language)]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Leksicheskie i grammaticheskie problemy sibirskoy dialektologii* [Lexical and grammatical problems of Siberian dialectology]. Barnaul: [s.n.].
2. Myznikov, S.A. (2011) *Dialektnaya akademicheskaya leksikografiya i lingvogeografiya* [Academic dialect lexicography and linguogeography]. *Filologicheskaya regionalistika – Philological regionalistics*. 2 (6). pp. 15–22.
3. Balakhonova, L.I. (1982) *K voprosu o statuse prostorechnoy i dialektnoy leksiki* [To the question of the status of common parlance and dialect lexicon]. *Voprosy yazykoznanitya*. 3. pp. 104–110.
4. Filin, F.P. et al. (eds) (1965–2018) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vols 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
5. Belyakova S.M. (2019) The Dialect Dictionary as a Kind of Supertext. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 15. pp. 5–16. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/15/1
6. Nikitina, T.G. (1998) *Tak govorit molodezh': Slovar' slenga. Po materialam 70–90-kh gg.* [This is what young people say: Dictionary of slang. Based on materials from the '70s and '90s]. St. Petersburg: Folio-Press.
7. Zakharova, L.A. & Shuvaeva, A.V. (2014) *Slovar' molodezhnogo slenga (na materiale leksikona studentov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Dictionary of youth slang (based on the lexicon of Tomsk state University students). Tomsk: Tomsk State University.
8. Elistratov, V.S. (2000) *Slovar' russkogo argo (materialy 1980–1990-kh gg.)* [Dictionary of Russian Argo (materials of the 1980s–1990s)]. Moscow: Russkie slovari.

-
8. Pozharitskaya, S.K. (2005) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Akademicheskii proekt: Paradigma.
 10. Kolesov, V.V. (ed.) (1998) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Vysshaya shkola.
 11. Kasatkin, L.L. (2005) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Akademiya.
 12. Vinogradov, V.V. et al. (eds) (1953) *Grammatika russkogo yazyka: v 2-kh t.* [Grammar of the Russian language: in 2 vols.]. Moscow: [s.n.].
 13. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1970) *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian standard language]. Moscow: [s.n.].
 14. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow: Nauka.
 15. Rogova K.A. (2018) *Na puti k novoy Akademicheskoy grammatike* [Towards the new Russian academic grammar]. *Mir russkogo slova – The World of the Russian Word*. 2. pp. 5–12.
 16. Golev, N.D. (2019) A Modern Dialect Vocabulary Discourse Dictionary (Based on Runet Materials): An Innovative Lexicographic Project. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 113–137. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/16/7
 17. Zazorina, L.N. (1973) O nekotorykh empiricheskikh printsipakh metalingvistiki [On some empirical principles of metalinguistics]. In: *Voprosy metalingvistiki* [Issues of Metalinguistics]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 5–26.